

Барбара
Брыльска:

**«Иронию судьбы»
мой сын не видел**

— С тех пор как вы согласились играть в нашем спектакле «Квартет», вам приходится буквально разрываться между Варшавой и Москвой. Устали?

— Тяжелее в жизни я еще не работала! И дело не только в переездах. «Квартет» — это мой дебют на театральной сцене, я прежде не выступала как театральная актриса. К тому же — язык! А еще в спектакле много движений, которые выполнять в моем возрасте трудно. И целых два часа — на каблучках!

— Прежде вы говорили, что не любите театр. Теперь отношение к нему поменялось?

— Постепенно меняется. Я все же актриса кино, но тем не менее стала даже получать удовольствие от этой перемены.

— Ваша героиня по сюжету оказывается в доме престарелых, несмотря на то, что имеет двоих детей. А вы могли бы отдать в дом престарелых родного человека?

— Даже представить невозможно! Моей маме 84 года, и она живет одна в своем доме в Лодзи, но после Нового года я заберею ее к себе в Варшаву. Хотя в Лодзи живет сестра Ядвига, я чувствую, что мама больше хотела бы жить со мной.

— У вас одна сестра?

— Единственная. Она моложе меня на три с половиной года, работала секретаршей, сейчас на пенсии.

— А ваш сын Людвиг не хочет стать актером?

— Мужчины, вы знаете, созревают поздно, вот и у него все ветер гуляет в голове. Ему сейчас 20 лет. Он отучился год в Высшей школе туризма, а перед тем еще год — в Высшей школе торговли, пошел туда за компанию с друзьями. Правда, я знала сразу, что ничего у него с торговлей не получится. Он в математике, как и я, — ноль. А актером сын становится не хочет.

— Но хоть фильмы с вашим участием любят?

— Он мало что видел — я родила его поздно. Если что-то показывали по телевизору, смотрел, наверное.

— «Иронию судьбы» видел?

— Нет. Определенно нет. — А как вы думаете, почему «Ирония» не стала в Польше такой же популярной, как у нас? — Потому что это — ваш фильм. Насквозь пропитанный вашим духом. А в Польше все другое. Даже праздники.

— Какие, к примеру, отмечаете вы?

— Рождество, Пасху... Еще именины. Как правило, празднуем тихо, дома, в семье.

Моей польской пенсии хватает только на мыло

— У вас в Варшаве дом или квартира?

— Обыкновенная четырехкомнатная квартира на четвертом этаже обычного дома в спальном районе, как ваши Черемушки. Я живу там уже двенадцать восемь лет. А до того жила в очень маленьких квартирах: в первом браке у нас была однокомнатная, во втором — двухкомнатная. Мне это было безразлично, и лишь когда родился ребенок, решила «расширяться». Мне предложили отдельный дом, но ждать надо было два

В своих мужчин влюблялась с первого взгляда

года. Я выбрала квартиру. И планировка, и дизайн — все мое собственное. Я в детстве закончила художественную школу, неплохо рисовала, вот и сделала, что хочу. В доме много памятных вещей, подаренных мне в разное время хорошими людьми.

— Готовить любите, пани Барбара?

— Умею, и очень неплохо. Но — любить?.. Нет. Мне жалко на это тратить время. Если есть для кого — ем бутерброды.

— А что вы любите делать? Обожаю водить. Весной у меня украли мой «Фиат», но сейчас я купила «Форд-Фиесту» — небольшой белый дамский автомобиль. Вожу и радуюсь.

— Если настроение плохое — как поднимаете?

— Работой. Главное — занять себя делом. Любим! Скажу вам честно: никакого творчества мне уже не хочется, я устала от профессии. Я предпочла бы иметь много денег и делать только то, что нравится. Это мечта всех, правда? (Смеется.) Но у меня этого никогда не получится. Потому что моей польской пенсии хватает лишь на туалетную бумагу и мыло. Ну, это, как и у вас в России. А потому надо все время сниматься — и не болеть при этом. Заболел — значит, все, никаких денег.

— А почему бы не сделать ставку на состоятельного мужчину? Многие так устраиваются.

— Только не я. Выгнала всех мужей! Да и когда они были, никто не содержал меня. Это я давала, а они брали. Наверное, желая брать интуитивно находят тех, кто готов отдать.

Секс в любви — это самое сильное

— Еще раз о «Квартете». Ваша героиня в этом спектакле произносит интересную фразу: «После стольких замужеств я пришла к выводу, что значение секса в жизни сильно преувеличено». Вы тоже так думаете?

— Ничего подобного! Это же только роль. Ну, куда без секса — это самое сильное, это природа! (Смеется.) Если нет желания близости с человеком — о чем говорить? Это — первое, а потом уже приходит другое: внимание к интеллекту, душе, сердцу...

— А в чудеса вы верите? К примеру, в то, что можно узнать и полюбить мужчину за один день или ночь, как в «Иронии судьбы»?

— А почему нет? Я во всех своих мужчин влюблялась с первого взгляда. Когда я встретила второго мужа, Людвиг, я осталась с ним сразу же, в первый же день. Точнее, он остался. И с замечательным югославским актером Слободаном Димитриевичем произошла похожая история: мы увидели друг друга на съемках — и нас как молния поразила! Его родители не позволили нам пожениться, но любовь была. Это случилось в промежутке между моим первым и вторым браками.

— А как познакомились с первым супругом?

— Мы поехали с классом в Краков, и в поезде он увидел меня. Мне тогда было 17, Яну — 23. Он показался мне очень кра-

фото Александра Курова (ИТАР-ТАСС)

сивым и солидным — к тому времени он уже закончил университет (между прочим, Ленинградский), начал работать в Варшаве... Янек попытался оставить мне визитку, но учительница не позволила, тогда он приехал в Лодзь, отыскал мою школу, меня... В общем, романтическая была история. Он был моим первым мужчиной, и я была у него первой. Кажется, психологи считают, что из таких браков не выходит ничего путного, но мы прожили вместе одиннадцать лет и разошлись только потому, что не было детей. Отчего — не знаю. И у него, и у меня во втором браке родились дети. Янек перебрался в Германию, работает там и только иногда приезжает в Варшаву. Мы встречаемся, разговариваем, но в последнее время все реже...

— И что теперь? Одни воспоминания? Но ведь что-то еще может случиться!

— У меня? Нет! Вы спрашивали про чудеса — у меня их больше не будет. Все, что могло случиться, уже случилось. Допустим, вспыхнет чувство. И что? Ведь оно должно быть взаимным, правда? А сейчас с этим маленько... как бы это сказать... ну, не получается (Смеется.) Мне все время нравятся молодые мужчины. И очень красивые. У меня никогда не было пожилых кавалеров. Наоборот, чем я старше — тем любовники моложе, потому что душа моя не стареет. Но тело, к сожалению, стареет. И шансы уменьшаются. Возможностей все меньше и меньше, а желаний больше. Да, именно так — поскольку разум уже подключается, и тебе в конце концов хочется такого партнера, которого вообще, наверное, не существует!

мывать. Хватит того, что я играю на сцене — в жизни не хочу.

— Вы очень хорошо выглядите. Много ухаживаете за собой?

— Ухаживаю? Помилуйте! Раньше было желание переодеться, рисовать лицо. А теперь незначем. Я делаю только легкий макияж. Даже прической не хочу заниматься.

— И на вас практически нет бижутерии... Это правда, что вы отказались носить украшения после смерти дочери?

— Да. Только не надо, пожалуйста, об этом (плачет)... (Двадцатилетняя дочь Барбары Брыльска — тоже Барбара погибла в автокатастрофе в 1993 году. — *Ред.*) Я иногда могу говорить о Басе, а иногда — нет.

...Знаете, счастье — это ведь так просто. Самое важное — чтобы наши близкие были здоровы и живы. Чтобы им было хорошо. Раньше, до определенного момента — я была очень счастливым человеком — только не знала, что счастлива. А потом пришло сравнение. И я поняла: «Боже, как я могла думать, что мне чего-то не хватает!»

— Что было для вас важнее: любовь или карьера?

— Дети. Ну и любовь, конечно. Что же касается карьеры — я работала для того, чтобы жить, а не наоборот. Съёмки в кино дава-

ли возможность осуществлять мои мечты — хорошо зарабатывать, путешествовать, обустраивать дом, помогать родителям... Я много работала. Снялась в семидесяти фильмах. Играла разные характеры, реализовалась как актриса и не могу жаловаться на свою творческую судьбу.

— А какая роль самая любимая?

— Кама из «Фараона» — это на сто процентов! Еще я ценю свою роль в «Анатомии любви», знаю, что сделала ее как надо: скромно, сдержанно, сумела показать страсть без крика и почти без мимики. Этому научил меня режиссер Роман Залусски, он дал мне столько, сколько не дал ни один режиссер.

— А роль Нади из «Иронии судьбы»?

— Ну, это совсем другое. Я доверяла Рязанову и знала: он не позволит, чтобы я сыграла плохо. Кстати, Эльдар заметил меня в «Анатомии любви». Он, единственный из всех режиссеров, сам позвонил мне. Обычно звонят продюсеры или ассистенты. А тут — сам, лично! Помню, я чуть с ума не сошла от радости. Мне с Эльдаром хорошо работалось. Думаю, что и ему со мной — тоже.

Успех в России мне вышел боком

— Но почему Рязанов не пригласил вас больше ни в один свой фильм?

— Не знаю. Наверное, не было другой роли для меня. А может, не хотел портить впечатление после успеха «Иронии».

— Так позвонили бы сами, намекнули...

— Что вы! Никогда я не просила! Вернее, был единственный случай — добивалась роли Аринки в фильме Ежи Гофмана «Потоп». Я долго боролась с собой, прежде чем попросить. Пошла на пробы, выиграла конкурс — но в результате роль все равно отдала другой. После этого зареклась. Просто сижу и жду.

— Но ведь это пытка — ждать! Нет выбора. Мне Даниэль Ольбрыхский, например, сказал: «Ты не предлагаешь себя, потому что не умеешь этого делать!» Я отлетела: «Может быть. Но я такая — другой мне уже не стать».

— Вы сейчас востребованы в Польше?

— Не очень. Если бы я была загружена, разве согласилась бы играть в театре, тем более в России?.. В нашем польском сериале про «Скорую помощь» я играю

фото Игоря Плевашова

Снимок из далеких 70-х

мать главного героя — и время от времени по сюжету якобы уезжаю в Америку. На самом же деле — сюда, в Россию, чтобы играть «Квартет». Вот и все — больше никакой работы.

— Помните, в эпоху «Иронии» вас у нас на руках носили?

— Конечно. Стоило в самолете зайти или в поезд — сразу мужики из этого фильма включали, в любви объяснялись... Как-то в Ереване, в гостинице, в четыре утра иду по коридору, тихо-тихо, почти крадусь, чтобы не разбудить никого... И вдруг — торничная увидела меня! И как закричит шепотом: «Ой! Надя!» Я в жизни себе этого представить не могла... Это же не Россия. Ночь, коридор полутемный, я без макияжа, с чемоданом. Вот тогда я поняла, что такое слава — и какая она сладкая.

— На родине вы не так популярны?

— Меня знают. Порой, быть может, забывают, но как только появлюсь в очередном сериале — снова вспыхивает интерес и журналисты начинают звонить.

— Ваша невероятная слава здесь, в России, и особенно получение Госпремии СССР вышли вам боком в Польше, верно?

— И вышли, и выхоят до сих пор. Из-за вашей Госпремии я долго не могла найти работу на родине — стала в основном работать за границей: в Германии, Чехословакии, Болгарии, России.

— То есть вам нравится теплая Польша?

— Конечно. Правда, меня перестали узнавать на улицах, как в прежние времена, — но, может, оно и лучше? По крайней мере, не сравнивают: какая была — какая стала. И я могу спокойно гулять по улицам...

— Я вам не верю, Барбара, — вас невозможно не узнать!

— Ну и ладно. Вы спросили про Москву... Так вот, я искренне люблю и Москву, и Россию вообще. Чувствую себя здесь совершенно как дома. Поверьте.

— Рита Болотская.

...Вот наступит Новый год — и мы вновь, как все последние тридцать лет, встретим его вместе с ней — Барбарой Брыльской — девушкой Надей из «Иронии судьбы». Именно ее россияне считают самой известной полькой, хотя сама пани Брыльска утверждает, что ее перестали узнавать на улицах Москвы. Да быть такого не может! Во всяком случае, в ресторане гостиницы «Тифлис», где мы беседовали с ней, все головы были повернуты исключительно в ее сторону. ...Барбара постоянно извинялась за «свой русский», хотя, поверьте, говорит отменно, а легкий акцент лишь добавляет шарма.